

Новелла 1

– Вы хотите узнать о Боге? – Я почти пропустил вопрос мимо ушей, но три стройных молодых человека в дорогих костюмах перегородили весь тротуар. Обходить их по газону было лень, да и как-то не солидно бегать от каких-то миссионеров.

Я посмотрел в глаза вопрошавшему. Какие-то пустые. Кто-то из моих знакомых называл такой взгляд просверленными копейками: за ними ничего не проглядывало кроме черноты. Не было ни эмоций, ни даже интереса к объекту своего вопроса.

– А Вы с ним близко знакомы? – Я вложил в голос столько сарказма, сколько позволяла вежливость. Не гоже грубить тому, кто тебе ещё ничего плохого не сделал. От этого на Паутине появляются узлы. А их и без этого слишком много. Да и надо быть просто благодарным тому, кто посылает их. Значит, скоро опять мои пальцы будут распутывать узлы Паутины.

– Да. Я каждый день разговариваю с Ним... – Правильная речь, акцент почти не ощущается, но, всё же понятно – язык ему не родной. Иностранец.

– Молодой человек, это не ко мне. Я не психиатр. – Интересно, он просто непробиваемый или гордый? Сейчас узнаем.

– Я не сумасшедший! Я несу весть, что Он нас любит! И Вас тоже!!!

– Простите за грубость, но в здешних краях эту весть знают уже больше тысячи лет. Вы же из Америки?

– Да. – Спесь он уже поубавил.

– Так вот, это в пять раз дольше, чем существует Ваша страна. Вы ошиблись. Вам лучше бы в Африку.

– В Африке другие люди работают. И тоже несут Слово Божие!

– Лучше бы учили их пахать.

– Мы делаем главное: учим любви к Богу!

Как ты мне надоел... Пора от тебя избавляться.

– А простите, вы к какой конфессии относитесь?

– Церковь Иисуса.

– У-у... А как по-другому? А то я не знаю.

– Мормоны. – Парни оживились. – Вы слышали о нашей церкви?!

– Да. На «ЕвроНьюс» недавно показывали, как в Штатах ваших трясли. О многожёнстве, изнасиловании несовершеннолетних, домашнем насилии... Хорошая реклама.

– Да Вы что!.. Я никогда не слышал о том, что бы кто-то этим занимался!

– Так по-вашему ваше же средства массовой информации врут?!

– Почему? Я Вам клянусь, что нет ничего подобного!

– А что же Ваша клятва так не согласуется с рассказами ваших же СМИ? Кто врёт?

На лицах парней скользят тени противоречивых чувств.

– Ну, не знаю. Они ошиблись.

– А почему бы Вам не отправиться домой и не наставить своих сограждан на путь истинный? Ну, что бы они не ошибались...

– Потому что здесь нельзя встретить Бога. Вы можете указать мне место, где бы я мог здесь встретить Бога?!

– С радостью. Вот по этой улице пройдёте по прямой один квартал. Там будет его офис. Вы его узнаете по крестам. И если поторопитесь, то можете успеть к обеду. Там будет явлено чудо: Господь спустится к молящимся.

– Это ложный Бог!

– Это ещё почему?

– Я Вам клянусь своей душой!

– Знаете, Вы слишком много и легко клянётесь. Особенно для человека, который открыто признаётся в принадлежности к сообществу насильников и сексуально распущенных извращенцев. Вы не можете убедить собственные СМИ, что никого не насилуете, а предлагаете мне поверить, что по вечерам пьёте чай с самим Создателем?! Я не думал, что выгляжу таким наивным простаком.

– У Вас нет общения с Богом!

– Давайте оставим это на моей совести. Бог не гневается на меня, значит Он считает мои действия в рамках дозволенного. Я его устраиваю, и он меня тоже. Нам хорошо вместе. И Вы тут совершенно излишни.

– Ну, как знаете.

– И Вам не нарваться на неприятности.

Озадаченные миссионеры ушли. Я проводил их взглядом. Интересно, будут ли ещё знаки?

К миссионерам подошла старушка. Что-то бурно им объясняла. Мальчики беспомощно хлопали по карманам. Старушка горестно всплеснула руками и поковыляла в мою сторону. Я терпеливо ждал.

– Подай, касатик.

– Ведь пропьёшь... – со вселенской тоской во взгляде я воззрился на старушку.

– А мож акромья водки у меня и радости в жизни никакой нетути?! Не трусь: я на Суде скажу, что сама пила.

– А ты думаешь, Там твоё мнение кого-нибудь интересует?

Старушка враз переменилась: напускная весёлость слетела, на плечи навалилась усталость.

– Да память плоха стала. Сестра посоветовала полюсы пить, а оне жеж ажно пять сотен стоят.

– Полюсы?

– Ну, китайские такие... Конфеты козы. Оне ащё в телевизоре идут.

– Болюсы Хуа То?

– Онеж самые... А пенсии-то на простые лекарства не хватает, а тут ещё и полюсы...

– Ладно. – Я извлёк сиреневую бумажку. – Держи. Только смотри не обмани.

– Тебя обманешь... Небось грехи замаливаешь? Вон лучше бабе с дитём помоги: куда больше пользы будет, чем мне подавать. – Она кивнула на худющую девушку, нервно пытающуюся укачать плачущего в коляске младенца.

– А почему бабе?

– Раз с дитём – значит баба, – бабка как отрезала. Гордо выпрямилась и как-то умудрилась посмотреть на меня сверху вниз.

– Однозначно не мужик. Держи. – Я протянул ей рябиновые чётки. – Тебе они нужнее.

– И чё такое?

– Поверишь, что это кипарисовые чётки с Афона?

– Не-а. Это рябиновые. Наговорные. Но я тож своё уже отколдовала. Теперь даже лечусь полюсами.

– Вот и лечись.

– Грехи замаливаешь. – Старая ведьма ещё сильнее выпрямилась. Прямо помолодела даже.

– Сама-то чем занимаешься?

– Не, мне просто малютку жалко. Да вот силы уж нет отогнать поганцев. Помоги.

– Иди с миром.

– Спасибо, внучок.

Я нашёл её нить в Паутине. Гладкая, ровная. Зря старая на себя наговаривала напраслину: мало на ней зла. А за мной? Не знаю. Я не могу увидеть свою нить, даже примерно. Но вот она всю жизнь жила по совести. Иди с миром. А мне пора за работу.

Лицо Худышки застыло. Видимо много плакала, а сейчас сил уже ни на что не осталось. Но глаза... Глаза живые, серо-зелёные.

– Как малышка?

– Что?

Главное – поймать взгляд. После этого она вся в моей власти. Взгляд – зеркало души.

– Сильно болеет?

– Да... – Взгляд измученной жертвы.

Долго плакала. Но, теперь я крепко держу её нить. Отец Небесный, она впивается сотнями жал и жжётся как раскалённая проволока! Сколько же ты надавала клятв!

Люди думают, что клятва чьим-то именем – это просто пустой звук. Но, призывая кого-то в свидетели, мы делаем его гарантом нашей клятвы. Если её не исполним мы, то её должен исполнить тот, чьим именем она скрепляется. Иначе уже он будет считаться клятвопреступником. Это мы принуждаем его совершить преступление, а значит он теряет силу. А это ведь никому не нравится, и они нас карают. Может и Падшие нужны для того, что бы карать нас? Не знаю. Но, надо сделать всё, что получится.

– Пойдём. Ты живёшь одна?

– Да. Муж на Севере.

Она покорно бредёт к дому, даже не пытаясь сопротивляться. Странное это ощущение: сейчас я имею над ней абсолютную власть. Смесь восторга и ужаса... От того что могу и от осознания что могу. Желание познать пределы власти борется с ужасом понимания, что их почти нет.

– А что тебе снится?

– Ангелы... – Её глаза полны всепоглощающего ужаса.

– А почему ты боишься?

– Они хотят забрать Дашеньку. Говорят, что ей у них будет лучше.

– А они до этого к тебе приходили?

– Да... Я им молилась. Сначала они добрые были и ласковые. Помогали, советовали... А потом, когда дочка толкаться начала – стали требовать её к себе. Почему?

– Ангелам нельзя молиться – они только исполнители воли. С таким же успехом можно молить тарелку о пище. А если они имеют свою волю, то они – демоны.

– Помогите поднять на крыльцо коляску.

– Сейчас.

Она ещё раз посмотрела на чётки: старой ведьме не верилось, что кто-то может так запросто отдать такое сокровище. И денежка... Маг, отдавший деньги добровольно, безо всякой выгоды... В это ей не верилось. Но и чётки были настоящие, да и бумажка тоже. Неужели удастся вытащить деда?.. Она опасливо прочитала молитву одними губами и приложила таблетку ключа в выемку домофона. Радостно замигал зелёный огонёк. Тяжёлая металлическая дверь, с доводчиком, нехотя открылась. Вместо привычной бетонной лестницы в тёмном чреве подъезда клубился фиолетовый туман. Ведьма сплюнула и решительно шагнула вперёд.

Он появился неожиданно, впрочем, как и всегда.

– Что, принесла? Сегодня последняя ночь новолуния. Пора платить: ночью меня ждут. Людская жалость снова в цене.

- Ты ещё не погасил?
- Что, старая, не веришь?
- Покажи.
- А много насобирила?
- Много. Покажи.
- Ну, смотри.

Маленькая склянка, в которой теплится огонёк. Тот самый. Огонёк души её деда. Боженьки, уже больше шестидесяти лет вместе... И как только сумел обмишулить её этот подлец?!.. Как сумел похитить этот мигающий огонёк?..

- Насмотрелась?
- Да. Вон в том углу котомка с подаянием.
- Ведьма бросила щепоть пыли, и стало видно увесистый узелок.
- Сильна, сильна. – Посланец наклонился.

Пора! Старуха рванулась вперёд как, бывалочи, в двадцать лет. Рябиновые чётки полыхнули огненным кольцом и захлестнули шею Посланца.

- Ты что делаешь?! Стерва старая!!! Убью!
- Перетопчешься. Пока я с тебя сама ЭТО не сниму – ты в моей власти!

Посланец попробовал схватить чётки руками, но пальцы полыхнули факелами и он еле успел погасить ладони.

- Откуда это?! Это не твоё! И тебе не пятнадцать, что бы такое купить!
- Жалость бескорыстная.
- Что?! Маг отдал?!
- Он самый. Гони светильник.
- А если нет?

– До ночи ты с ЭТИМ не дотянешь. Быстро! – Ведьма рванула чётки.

- Бери.
- Клятву!

– Я сам, добровольно, отдаю фиал! Всё честно и по совести.

– Замечательно. – Ведьма сдёрнула чётки. На шее Посланца вздулась обугленная борозда.

- Но, с тобой-то я уж посчитаюсь...
- Не выйдет. – Ведьма сунула ему в зубы пятисотку.
- Что это?
- Выкуп за мою душу.
- И ты думаешь, что за такую жалкую сумму я тебя отпущу?!
- Договор. Как только я смогу тебе отдать подаяние мага – я свободна.
- Это?! – Посланец с ужасом смотрел на упавшую на пол мятую купюру.

– Это. Бескорыстная жалость и подаяние мага. Они способны искупить грехи, как и жалость распятого Разбойника. Подаяние коснулось тебя – я свободна.

Ведьма зашептала заклинание и несколько раз взмахнула чётками.

Туман рассеялся. Она бодро поднялась к лифту. Нажала на кнопку, и двери тут же широко распахнулись перед ней.

- Прощай!

Посланец не ответил. Двери лифта с лязгом захлопнулись и кабина поплыла вверх. Ведьма ласково погладила фиал.

- Теперь и умереть не страшно. Всё хорошо, дорогой мой...

Виталий по молодецки рванул на себя дверь подъезда. Да так лихо, что ветер взметнул на полу какую-то бумажку.

- О! Пятихатка! Гуляем!

Он воровато оглянулся, схватил мятую бумажку и бросился назад из подъезда.

Худышку трясло. Ей было страшно.

– Я их слышу!

– И что они говорят?

– Если я не прогоню Вас, то они заберут Дашу!

– А если прогонишь, то они её точно заберут.

– И что мне делать?

– Послать их.

– Не могу... Язык не поворачивается.

– Даже так...

– Но, они ведь творят добро...

– Я не уверен, что добро вообще можно сотворить.

– Почему?

– Потому что добро изначально присуще миру. Так что единственное, что можно сделать: это либо сохранить устойчивость мира, но тогда это даже нельзя назвать деянием, либо уменьшить устойчивость, тогда – это злодеяние.

– И что же мне делать?

– Спасать дочь. Плюй на все их крики. Они тебе что, дороже дочери?

– Нет... У меня нет ничего дороже доченьки.

– Вот и держи это в своей тупой голове. А теперь сядь и закрой глаза.

Худышка села. Я взял малышку на руки. Косточки выпирали даже сквозь пелёнки, но она сумела открыть глазки. Я осторожно влил в неё немного своих сил. «Ангелы» почувствовали, что девочка ожила, и бросились к ней. Самые нетерпеливые попали в Паутину, которую я немного изменил. Пока они трепыхались, разрывая нити, я нашёл те из них, что связывали малышку и «ангелов». Осталось немного. Содрал нити и туго переплёл нить ребёнка с нитью матери. Всё. Узор сплетён. Но, его ещё надо закрепить, а вот этим должна заняться мать.

Я тронул плечо Худышки.

– Проснись.

– Что с Дашей?! – В глазах плескался страх.

– Спит.

– Спит? Давно?

– Уже часа четыре.

– Боже! Она ни разу не спала дольше десяти минут! С ней всё в порядке?

– Да. Ей хорошо.

– И на долго?

– Это уже зависит от Вас. За глупости надо платить.

– Сколько?

– За глупости деньгами не расплачиваются.

– А чем? – В глазах снова пробуждается страх. – Если что, я на всё готова...

Наверное, это должно быть приятно: заставить женщину добровольно сделать то, чего она до жути боится... Но, это не по мне.

Я вынул из кармана резную безделушку.

– Храни её месяц. Потом вернёшь.

– Как?

– Найдёшь меня. Сама. И ещё, сделай мне резную ступку. С мордами этих твоих «ангелов».

- Хорошо. Как же мне найти Вас?
- Найдёшь. И не смей больше молиться им, поняла?
- Да, конечно.
- Надумаешь дурить – я с тебя шкуру сдеру живьём.
- Я поняла.
- Тогда, закрой за мной дверь.

Виталик с трудом поднял гудящую с похмелья голову. Нет, не показалось: тот, кто толкнул его стоял рядом.

– Ты кто? – Виталий с трудом разглядел висящие на стене часы. – Блин, два часа ночи!!! И как ты тут оказался-то? Ты кто?!

– Конь в фланелевом пальто. – Гость присел на корточки рядом с кроватью. Виталик совсем рядом увидел страшный ожёг на горле гостя.

- И чё те надо?
- Тебя... Ты пропил свой счастливый билет.
- Что?
- Пятихатку из подъезда.
- Она твоя? Я верну...

– Нет. Она была твоя. Но, ты её пропил, а следом пропьёшь всё. Это была милость в чистом виде, а ты её спустил на водку. Вот и всё променяешь на неё. А я буду навещать тебя в похмельном бреду...

Старая ведьма спала и улыбалась: ей снилось, что она, молодая и красивая, легко бежит по заливному лугу, а впереди только простор и солнце ласково обволакивает её своим теплом. Давно ей не снились такие светлые сны. И так сладко она тоже не спала очень давно: её дед впервые за несколько лет спал тихо и спокойно... Как младенец. Его больное сердце билось ровно, даже не пытаясь превратиться в жгучий комок боли.

Через месяц я зашёл в тот же двор. Худышка подняла на меня глаза и радостно улыбнулась:

– А я только что о Вас думала. Вот Ваша ступка и статуэтка! – Она протянула мне любовно расшитый мешочек. А Вы – просто волшебник! Дашенька весёлая, кушать стала хорошо. Мы два килограмма набрали! Все врачи в шоке!

- Почему?
- Мне на неё выписали свидетельство о смерти. Без даты...
- Храни его. И не лезь в высшие сферы.
- Ещё раз спасибо. А как Вас зовут?
- Никак. Я сам прихожу, когда надо. Прощай.
- Прощайте...

Дома я положил поделку женщины в сундук с такими же пустыми безделушками. За каждой из них стоит своя история. Я с тоской посмотрел в ненасытную утробу сундука: даже не треть... Значит и мне до свободы далеко, а я так устал. Ко мне ведь не сможет прийти Плетущий Паутину. Я ведь даже собственную нить не вижу, хоть иногда так хочется надеяться, что придёт Добрый Волшебник, взмахнёт палочкой, и не надо будет видеть Паутину людских судеб. Но, это только сказка, а я не верю в сказки. Я их создаю. Для других.